

ждеть вообще чего-нибудь особеннаго отъ всѣхъ воскресныхъ дней. Тѣмъ не менѣе, сегодня она проснулась въ такомъ возбужденномъ состояніи, что должна найти предлогъ, чтобы объяснить его самой себѣ. Воздухъ такой чудный. Запахъ скопенаго сѣна доносится до самаго города; онъ ощутителенъ на улицахъ и на рынкѣ, тѣмъ болѣе на ея загородной виллѣ. Она всегда любила воскресные дни; это ея любимый день, въ особенностяхъ въ городѣ съ такимъ сильнымъ колокольнымъ звономъ, какъ Оксфордъ.

Она одѣвается съ твердымъ рѣшеніемъ ничего не измѣнять въ своемъ обычномъ воскресномъ нарядѣ и ничего не прибавлять къ нему. Поступить иначе—значило бы сознаться самой себѣ, что чего-то ждешь отъ этого воскресенья. Быть можетъ, ею руководить также бессознательное суевѣріе, по которому ждать чего-нибудь заранѣе, значить навѣрное не дожидаться.

Она читаетъ молитвы для своей свекрови съ такой же набожной отчетливостью, какъ еслибы эта бѣдная старая леди могла понять, или хотя бы только замѣтить, что ей читають. Сама она находитъ это дѣло вполне бесполезнымъ. Но мужъ поручилъ ей его и она не желаетъ оставить его невыполненнымъ. Окончивъ молитвы и сообщивъ свекрови извѣстіе о смерти ея мужа, которое она принимаетъ съ обычнымъ, радостнымъ удивленіемъ, Белинда весело надѣваетъ шляпу, чтобы идти въ церковь.

По дорогѣ ей припоминается другая одинокая прогулка въ церковь въ Фолькстонѣ, ей припоминается тогдашняя жестокая стужа, окованная льдомъ земля и ея собственное, еще болѣе оледенѣлое сердце. Какъ сильно все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, и земля, и она сама. Отчего перемѣнилась земля, понятно:—наступило лѣто. Но отчего въ ней произошла такая перемѣна? Этотъ вопросъ она предпочитаетъ оставить безъ отвѣта.

Церковная служба коротка и приспособлена къ современному нетерпѣнію, заставляющему насъ дивиться терпѣливости нашихъ предковъ. Но Белиндѣ и эта служба кажется продолжительной. Поетъ ли она, стоитъ ли она на колѣняхъ или внимательно слушаетъ, одна, одна неотступная мысль преслѣдуетъ ее:—когда это будетъ? Гдѣ это будетъ? Какъ долго это продлится? Эта мысль не покидаетъ ее у дверей церкви, но слѣдуетъ за нею по пятамъ, по дорогѣ, залитой солнцемъ. Ахъ! вотъ и цвѣты! вотъ и отвѣтъ.

На перекресткѣ, неподалеку отъ ея дома, въ сторонѣ отъ расходящихся изъ церкви людей и на глазахъ одного только торговца молокомъ, который безпечно посвистываетъ, склоняясь